

«Одна страна не может взять на себя роль глобального правительства»

Дмитрий МЕДВЕДЕВ

У нас сегодня нет выбора – жить или не жить в глобальном мире. Современный мир уже глобален. И в таких условиях ошибки в политике отдельных стран, а тем более национальный эгоизм, немедленно сказываются на ситуации во всей глобальной экономике.

Вы знаете, что для глобальных финансовых рынков 2007 год оказался одним из самых тяжелых за последние десятилетия. А если верить экспертам – может быть, и самым сложным со времен Великой депрессии 1930-х годов.

Недооценка рисков крупнейшими финансовыми компаниями в сочетании с агрессивной финансовой политикой самой большой экономики мира привела не только к убыткам корпораций. Беднее, к сожалению, стало большинство людей на планете. И это отчетливо заметно не только в экономиках слаборазвитых стран, но и в экономиках самых передовых государств.

Резко замедлились темпы роста мировой экономики в целом. По некоторым прогнозам, нынешний кризис может повторить самые тяжелые случаи в мировой истории, когда в ряде стран на протяжении нескольких лет подряд темпы роста экономики снижались ежегодно более чем на 5 процентов.

В результате под сомнение были поставлены складывавшиеся десятилетиями каноны рыночного регулирования.

Будем откровенны, и сегодня приходится слышать, что природа рыночной экономики сама по себе приводит к неравенству, разрушению окружающей среды и регулярным кризисам. Наверное, это не так. Но, безусловно, извлечь уроки из случившегося должны все. Давайте задумаемся и о другом: не могут ли уроки нынешнего кризиса дать национальным экономикам новые «страховочные ремни» и показать им новые возможности для устойчивого развития?

Так, например, Россия, объективно еще не успевшая осуществить некоторые достаточно популярные на сегодняшний день в мире реформы, тем самым получила и шанс избежать серьезных ошибок. Ведь дефицитами бюджета и платежного баланса мы «наелись» еще в 1998 году. А развитие финансового и жилищного секторов в нашей стране пока находится на достаточно ранней стадии, и таких масштабных рисков, как в других странах, у нас просто нет.

В то же время это никак не избавляет нас от необходимости сделать правильные выводы, чтобы подобных «встрясок» в России больше не происходило. Кроме того, Россия сегодня – глобальный игрок. И, понимая свою ответственность за судьбы мира, мы хотим участвовать и в формировании новых правил игры, причем не из-за пресловутых «имперских амбиций», а именно потому, что обладаем и соответствующими публичными возможностями, и соответствующими ресурсами.

Отмечу, что развернувшиеся на наших глазах кризисы – финансовый кризис, рост цен на природные ресурсы и продовольствие, а также ряд глобальных катастроф ясно показывают, что система глобальных институтов управления не со-

ответствует стоящим перед ней вызовам. Наблюдается своего рода вакуум институтов, когда отсутствуют международные площадки, ответственные за решение тех конкретных проблем, которые являются на сегодняшний день самыми острыми.

Иллюзией оказалось и представление о том, что одна страна, даже самая мощная, может взять на себя роль глобального правительства. А глобальные институты управления, отвечающие за финансовую политику, фактически не имели рычагов влияния на стратегии, реализуемые участниками рынка.

Могло ли быть иначе в ситуации, когда основной удар пришелся по их главному акционеру, это вопрос скорее риторический. Более того, именно несоответствие формальной роли Соединенных Штатов Америки в мировой экономической системе ее реальным возможностям и было одной из центральных причин текущего кризиса.

Сколь ни был бы велик американский рынок, и сколь бы надежна ни была американская финансовая система – они не в состоянии подменить собой глобальные товарные и финансовые рынки.

Однако в любом случае это лишь подтверждает необходимость реформирования глобальной финансовой архитектуры.

По основным направлениям такой реформы ведется широкая дискуссия. И уже появляются основные элементы модернизации глобальной системы регулирования. Назову, на мой взгляд, три наиболее важнейших из этих элементов.

Прежде всего – это упорядочение самих институтов регулирования. Более четкая координация между органами, отвечающими за разные сегменты рынка, – как на международном, так и на национальном уровне. И полагаю, что институты регулирования должны максимально учитывать интересы всех стран, независимо от уровня их развития.

Еще одно направление модернизации – это создание условий для адекватной оценки участниками рынка своих контрагентов, а также оценки различных финансовых инструментов.

Речь здесь идет о новых системах раскрытия объективной информации, о повышении роли рейтинговых агентств, о более эффективных надзорных требованиях и более понятных и прозрачных бухгалтерских стандартах.

И, наконец, в рамках модернизации должна быть создана эффективная система стимулов к рациональному поведению. Поведению, основанному на сбалансированной оценке рисков и оценке получаемых возможностей. Ведь всем приятно получать бонусы. Но выплачиваться такие бонусы должны только за достижение стабильно высоких результатов.

Несоответствие формальной роли Соединенных Штатов Америки в мировой экономической системе ее реальным возможностям и было одной из центральных причин текущего кризиса

Роль России на глобальных финансовых и сырьевых рынках позволяет нам активно участвовать в обсуждении конкретных решений по этим проблемам.

Считаю, что Россия была бы удобной площадкой для начала такого обсуждения. В этой связи предлагаю уже в этом году провести у нас представительную международную конференцию с участием руководителей крупнейших финансовых компаний, ведущих финансовых аналитиков и ученых.

Больше того, такая площадка могла бы стать и постоянно действующей. А выработанные на ней подходы могли бы использоваться политиками для принятия соответствующих решений.

Превращение Москвы в мощный мировой финансовый центр, а рубля в одну из ведущих региональных резервных валют – вот ключевые составляющие, призванные обеспечить конкурентоспособность нашей финансовой системы. И соответствующий план действий будет принят уже в самое ближайшее время.

Еще один приоритет – это более активная интеграция России в мировой рынок капиталов. Мы уже достигли определенных успехов в привлечении капиталов. И теперь начали стимулировать инвестиции российских компаний за рубежом. Это нужно нам и для обеспечения равных конкурентных условий на мировых рынках, и для осуществления серьезного технологического рывка*.

Сегодня многие задаются вопросом, какой политики ждать от России. Мне неоднократно приходилось отвечать на этот вопрос. Сразу скажу: в международных делах, как и внутри страны, мы будем прежде всего настаивать на верховенстве права, на соблюдении всеми государствами – и прежде всего ведущими державами – международного правопорядка. Это, без сомнения, ключевое условие поддержания управляемости мирового развития. И особенно важно это сейчас, когда на смену искусственной биполярности приходит более естественная полицентричная международная система с опорой на Организацию Объединенных Наций.

Ее основатели, основатели ООН, многое предугадали. И в основе своей ООН – это компетентная организация для взаимодействия на равноправной основе. Хотелось бы сразу заметить, что другой у нас нет и, по всей вероятности, в ближайшие годы не будет. И попытки заменить Организацию Объединенных Наций «эксклюзивными форматами» (а это иногда предлагается) имели бы для текущего миропорядка абсолютно самые разрушительные последствия.

Разумеется, Организация должна модернизироваться, с тем чтобы адекватно отражать реалии современного многополярного мира. Отсюда и необходимость реформы Совета Безопасности на основе формирования широкого согласия государств – членов ООН. И мы ценим стремление Германии к поиску компромиссных, а не раскалывающих Организацию Объединенных Наций по этому вопросу формул.

Будущий миропорядок прямо связан с судьбой Европы, всего Евроатлантического региона, а значит, и с судьбой всей европейской цивилизации.

Убежден, что проблемы Европы не будут решены до тех пор, пока не будет достигнута ее идентичность, органичное единство всех ее интегральных частей, включая и Российскую Федерацию. Ведь сбросив советскую систему и отказавшись от ее реставрации в определенный исторический период, Россия заложила основы формирования государства, абсолютно совместимого с остальной частью Европы – точнее говоря, с тем лучшим, что составляет общее наследие европейской цивилизации.

Если пользоваться образным языком Джона Ле Карре, Россия сегодня «вернулась из холода» – вернулась после почти столетия изоляции и самоизоляции. И сейчас она активно возвращается в глобальную политику и экономику, причем со всеми своими природными, финансовыми и интеллектуальными ресурсами и возможностями.

Россия делает ставку на инновации. В условиях устойчивых макроэкономических показателей, высокого уровня финансовой, социальной и политической стабильности для серьезных игроков на европейском и мировом рынке открываются новые перспективы для надежных и современных инвестиций.

Наши цели сегодня – это не только качественный подъем экономики, но и трансформация всей социальной структуры общества, включая поддержку быстро растущего среднего класса. Только он может стать твердой опорой развития демократии и устойчивого развития в целом.

Сегодня отчетливо вырисовываются контуры нашей новой и долгосрочной экономической политики, в основе которой – полноценная всесторонняя модернизация ключевых отраслей промышленности и инфраструктуры. По сути, речь

* Из выступления Дмитрия Медведева на XII Петербургском Международном экономическом форуме 7 июня 2008 года.

идет о технологической революции, и здесь один из наших безусловных приоритетов: этот приоритет – сотрудничество с европейскими государствами в этой сфере.

Я еще остановлюсь сегодня на этих вопросах. Но очевидно одно: свободный рынок и открытость внешнему миру гарантируют необратимость наших перемен.

В результате окончания холодной войны возникли условия для налаживания подлинно равноправного сотрудничества между Россией, Евросоюзом и Северной Америкой как тремя ветвями европейской цивилизации.

Я убежден, что атлантизм как единственный принцип исторически изжил себя – теперь речь должна идти о единстве всего евроатлантического пространства: от Ванкувера до Владивостока. Сама жизнь подсказывает именно такую формулу взаимодействия.

Но если говорить о строительстве устремленных в будущее отношений между государствами Европы, сегодня настораживает тенденция выборочного и политизированного подхода к нашей общей истории.

И здесь, на мой взгляд, должны быть честные, нормальные научные дебаты. Так, явно недооценивается значение российско-германского примирения. Это фактор не меньшего значения для мирного будущего Европы, чем примирение, скажем, между Францией и Германией.

В частности, надо понять, к чему приводят маргинализация и изоляция государств, выкраивание зон с разной степенью безопасности, отказ от создания общерегиональной системы коллективной безопасности. А все это, к сожалению, присутствует сегодня в Европе.

Мы также не должны позволить лишиться нас общего духовно-нравственного достояния, которым является великая Победа над фашизмом. Нельзя забывать, что в материальной культуре Европы, которую удалось сохранить в годы войны, – многомиллионные жертвы народов Советского Союза, других европейских народов.

Атлантизм как единственный принцип исторически изжил себя – теперь речь должна идти о единстве всего евроатлантического пространства: от Ванкувера до Владивостока

Давайте внимательно посмотрим, что мы имеем сейчас в Европе. Трудно уйти от вывода, что ее нынешняя архитектура несет на себе отпечаток идеологии, унаследованной от прошлого. Казалось бы, что воплощать вновь обретенное единство европейской цивилизации должна такая организация, как ОБСЕ. Но ей этого не дают: не дают превратиться в полноценную общерегиональную структуру.

И дело не только в незавершенности ее институционального развития – мешают другие структуры, запрограммированные на воспроизводство блоковой политики.

НАТО тоже никак не может обрести новый смысл своего существования. Сегодня его пытаются найти на основе глобализации миссии альянса, в том числе и в ущерб прерогативам ООН, о которой я только что говорил, за счет привлечения новых членов. Но очевидно, что это все равно не решает поставленной задачи.

Говорят о возможности размена дальнейшего расширения НАТО на Восток на «что-то еще». Я думаю, что все это иллюзии. Убежден, что наши отношения с альянсом в этом случае будут просто подорваны, испорчены капитально на очень долгое время. Понятно, что конфронтации не будет. Но цена вопроса будет очень высокой. Это нанесет очень серьезный ущерб.

Трудно найти другой пример совпадения коренных интересов безопасности между НАТО и Россией, как это имеет место применительно к Афганистану. Мы уже активно помогаем нашим партнерам, работающим в этой стране. На саммите Россия – НАТО, который был в Бухаресте, мы сделали важный шаг, договорившись о наземном транзите невоенных грузов через территорию Российской Федерации. Завершаем работу по использованию нашей военно-транспортной авиа-

ции. Россия расширяет возможности подготовки кадров для афганских антинаркотических и антитеррористических структур. Вот где работать надо.

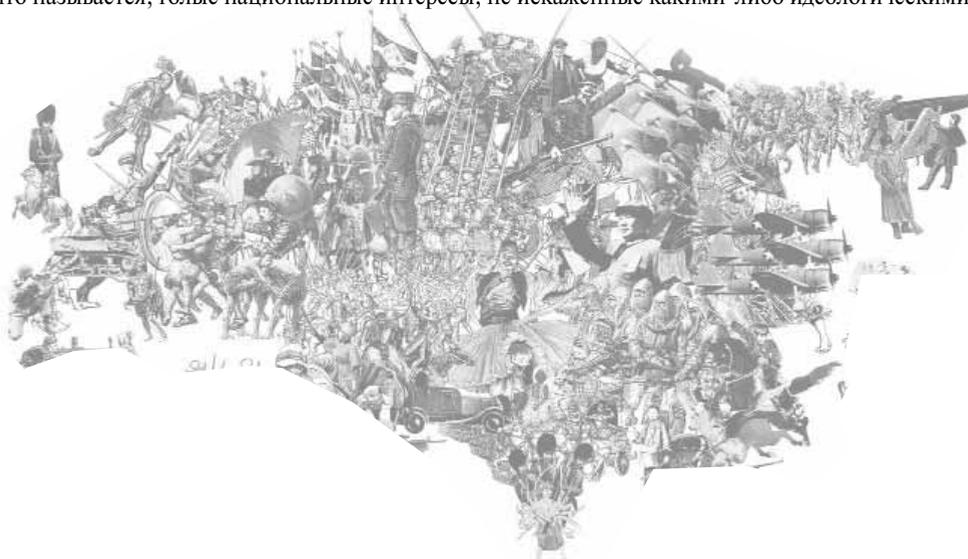
Все это крайне важно для выполнения задач, поставленных международным сообществом в лице Совета Безопасности ООН. Надо ли подвергать испытаниям это сотрудничество в угоду блоковой инерции?

Убежден, что без открытого и честного выяснения всех имеющихся у нас на сегодняшний день озабоченностей нам не продвинуться в деле создания подлинно большой Европы. И если наши предшественники смогли в условиях холодной войны разработать Хельсинкский Заключительный акт (как правовую основу, кстати, европейского устройства, выдержавшую вопреки всему испытание временем), то почему бы нам сегодня не сделать следующий шаг? А именно – разработать и заключить юридически обязывающий Договор о европейской безопасности. Его сторонами могли бы стать и действующие в евроатлантическом пространстве организации.

Кстати сказать, попытки заключить такой договор делались в прошлом. Достаточно вспомнить Пакт Бриана – Келлога 1928 года. Но тогда он так и не смог сработать и разделил печальную участь Лиги Наций. В современных условиях, когда никто не хочет войны в Европе и когда все мы умудрены опытом XX столетия, у такой договоренности есть шансы на успех.

Речь могла бы идти о региональном пакте, который бы опирался, естественно, на принципы Устава ООН и внес бы окончательную ясность в значение фактора силы во взаимоотношениях в евроатлантическом сообществе. В комплексе решались бы и вопросы неделимости безопасности, и проблемы контроля над вооружениями в Европе, которые всех так заботят.

Предлагаю подумать над идеей и общеевропейского саммита, на котором можно было бы дать старт процессу разработки такого договора. Важно, правда, чтобы все государства – абсолютно все государства Европы – участвовали в нем в своем национальном качестве, оставив блоковые и иные групповые соображения за дверью. При этом точкой отсчета для всех должны быть, что называется, голые национальные интересы, не искаженные какими-либо идеологическими мотивами*.

* Из выступления Дмитрия Медведева на встрече с представителями политических, парламентских и общественных кругов Германии 5 июня 2008 года.